

Томми Ли, Винс Нил,
Мик Марс, Никки Сикс

Mötley Crüe

ГРЯЗЬ

**ИСТОРИЯ САМОЙ СКАНДАЛЬНОЙ
РОК-ГРУППЫ В МИРЕ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 782/785
ББК 85.318
Л55

Mötley Crüe
THE DIRT

Печатается с разрешения Harper, an imprint of HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Перевод с английского М.А. Степченко.

Фотография на обложке *Robert Knight Archive/Redferns/Getty Images*
предоставлена Фотоагентством *Getty Images*

**Ли, Томми, Нил, Винс, Марс, Мик, Сикс, Никки при участии
Нила Стросса**

Л55 Мötley Crüe. Грязь. История самой скандальной рок-группы в мире / Ли Т., Нил В., Марс М., Сикс Н., при участии Стросса Н. [пер. с англ. М. А. Степченко]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 480 с. — (Биографии легендарных музыкантов).

ISBN 978-5-17-169943-7 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-0-06-201233-3 (англ.)

Возмутительная и бескомпромиссная автобиография Mötley Crüe — одной из самых безбашенных глэм-метал-групп в истории мировой музыки. Томми Ли, Никки Сикс, Винс Нил и Мик Марс раскроют для вас личные подробности о буднях рок-звезд. Погрузитесь с головой в мир безумных вечеринок, скандальных романов с суперзвездами, проблем с законом, провокационных образов, оккультизма и всего того, чем жили настоящие иконы глэм-метала.

УДК 782/785
ББК 85.318

ISBN 978-5-17-169943-7
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-0-06-201233-3 (англ.)

© Art direction and design:
bau-da design lab, inc. & daniel carter
© Mötley Crüe (Musical Group)
© Strauss, Neil
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Посвящается нашим женам и детям.
Да простят они нас за наши грехи.

«Итак, эту историю будут писать несколько человек — как на судебном процессе выступают несколько свидетелей; цель в обоих случаях одна: изложить правду наиболее точно и обстоятельно».

Уилки Коллинз «Женщина в белом», 1860

Часть первая

Дом вверх дном

Глава 1

Винс

О нашем первом доме, где Томми застукали со спущенными штанами и «хозяйством» в чьей-то дырке; Никки поджигают, ковер страдает; Винс пускает слюни на наркоту Дэвида Ли Рота; а Мик ошарашенно наблюдает за всем этим с безопасного расстояния.

Мы прозвали ее Бульвинкль¹ из-за того, что она была поразительно похожа на лося. Томми запросто мог заполучить любую девушку на Сансет-стрип, но не желал расставаться с этой лосихой. Он души в ней не чаял и даже планировал жениться, а все потому, что во время оргазма эта дамочка забрызгивала фонтанами свирта все в радиусе километра.

К сожалению, свою дикую страсть она выплескивала не только через киску. В ход также шла посуда, стулья, занавески — короче, все, что оказывалось под рукой, да и кулаками помахать она любила. До этого момента, а я, на секундочку, жил в Комптоне², мне еще не доводилось встречать такой дичи. Скажешь что-то не так, бросишь косой взгляд, и она впадала в неистовую ярость. Однажды ночью Томми попытался выпроводить ее, заперев дверь на щеколду (замок уже давно не работал из-за постоянных рейдов полиции), а эта безумная лосиха схватила огнетушитель и швырнула его в окно, чтобы пробраться внутрь. Позже той ночью копы вернулись и взяли Томми на мушку, пока мы с Никки прятались в ванной. До сих пор не могу понять, кого мы боялись больше: Бульвинкля или полицейских.

¹ Бульвинкль — лось, герой мультсериала «Рокки и Бульвинкль». — Здесь и далее прим. пер.

² Комптон считается одним из самых криминальных городов США.

Да, окно мы, кстати, так и не починили. Слишком много возни. Наш дом находился неподалеку от «Whisky A Go-Go», и толпы гуляк после вечеринок стекались к нам через разбитое окно или через дерьмовую входную дверь, которую можно было запереть, только если засунуть картонку под дверной проем. Я делил комнату с Томми, а Никки, этот говнюк, получил в свое распоряжение самую большую комнату. Когда мы только переехали, то договорились меняться, чтобы каждый месяц по очереди наслаждаться отдельной комнатой. Но мы положили на это болт. Слишком много возни.

На дворе стоял 1981-й, и мы были кучкой ребят без гроша в кармане. Не считая коробки с одной тысячей копий нашего семидюймового сингла от менеджера, главным нашим сокровищем был кожаный диван и стереосистема, которую родители Томми подогнали ему на Рождество. Потолок был испещрен маленькими круглыми вмятинами, поскольку каждый раз, когда соседи жаловались на шум, мы в ответ долбили в потолок швабрами и гитарными грифами. Ковер, весь в дырках от окурков, пропитался алкоголем и кровью, а стены почернели от копоти.

Это местечко просто кишело всякими паразитами. Если мы хотели воспользоваться духовкой, нам приходилось добрые десять минут прогревать ее на максимальной мощности, чтобы убить полчища тараканов, которые роились внутри. Мы не могли позволить себе пестициды, так что брали лак для волос, щелкали зажигалкой и сжигали заживо этих ползучих гадов. Разумеется, мы могли купить (или украсть) вещи первой необходимости, такие как лак для волос, потому что без модных начесов ну совершенно нельзя выступать в клубах.

Кухня была поменьше, чем наш сортир, но такая же зловонная. В холодильнике обычно лежали старый тунец, пиво, болонская колбаса «Оскар Майер», просроченный майонез и, может быть, хот-доги, если это было только начало недели, и мы либо стащили их из винного магазина внизу, либо купили на свободные деньги. Но, как правило, все хот-доги съедал Большой Билл — двухсоткилограммовый байкер и вышибала из «The Troubadour» (который через год скопытился от передозировки кокаина). Мы всегда слишком очковали, чтобы сказать ему, что эти хот-доги были нашей последней едой.

По соседству обитала сердобольная парочка, которая время от времени приносила нам миску спагетти. Когда прижимало конкретно, мы с Никки чисто ради еды встречались с девчонка-

ми из продуктовых магазинов. Но выпивку мы всегда покупали на свои бабки. Вопрос чести, знаете ли.

В кухонной раковине кисла наша единственная посуда: два стакана и тарелка, которую мы время от времени споласкивали. Иногда на тарелке оставалось достаточно засохших объедков, чтобы наскрести на полноценный обед, и Томми таким не брезговал. Когда мусорный бак был переполнен, мы открывали маленькую раздвижную дверь на кухне и вытряхивали его содержимое во внутренний дворик. Вообще, дворик задумывался как милое местечко, где можно было поставить мангал и складной стул, но вместо этого там громоздились мешки с банками и бутылками из-под спиртного, да в таком количестве, что нам приходилось сдерживать мусор, чтобы он не хлынул в дом каждый раз, когда мы открывали дверь. Соседи жаловались на вонь и стаи крыс, которые начали там копошиться, но мы не собирались трогать этот мусор, даже после того, как Департамент здравоохранения Лос-Анджелеса появился у нашей двери и обязал нас ликвидировать экологическую катастрофу, которую мы устроили.

Но по сравнению с нашей ванной комнатой кухня была еще ничего. За те полтора года, что мы там жили, мы ни разу не удосужились почистить унитаз. Мы с Томми были еще подростками и просто не знали, как это делается. В ванной лежали тампоны, оставленные девочками накануне вечером, а раковина и зеркало почернели от краски для волос Никки. Мы не могли позволить себе (или просто ленились) купить туалетную бумагу, поэтому на полу были разбросаны испачканные в дерьме носки, флаеры групп и страницы из журналов. На обратной стороне двери черт знает почему висел плакат Слима Уитмана¹.

Дальше по коридору находились две спальни. Перед концертами мы репетировали и поджигали Никки. Бензин для зажигалок всегда стекал по его ногам прямо на ковер, оставляя обугленные пятна.

Наша с Томми спальня находилась налево от прихожей, и там царил свинарник: горы пустых бутылок и грязной одежды. Мы спали прямо на полу, на матрасах, накрытых одной общей простыней, которая однажды была белой, но теперь приобрела

¹ Слим Уитман (1923–2013) — американский исполнитель кантри- и фолк-музыки, в течение своей длинной карьеры продал более 120 миллионов копий альбомов.

оттенок расплющенного таракана. Однако нам казалось, что мы жили на стиле, ведь в комнате был шкаф с зеркальной дверью. БЫЛ, ДА СПЛЫЛ. Однажды вечером Дэвид Ли Рот пришел к нам и уселся на полу с большой кучей дури. Пока он что-то рассказывал, не желая при этом делиться своим сокровищем, дверца шкафа слетела с петель и треснула его по затылку. Дейв остановил свой монолог на полсекунды, а затем продолжил как ни в чем не бывало. Видать, он даже не понял, что произошло, и даже не просыпал ни крупинки своего драгоценного порошка.

В комнате у Никки стоял телевизор, а двери выходили в гостиную. Но он почему-то наглухо заколотил их. Он сидел там на полу и писал «Shout at the Devil», пока все вокруг веселились. Каждый вечер после наших концертов в «Whisky» половина зрителей вваливалась к нам домой. Народ бухал и употреблял все, что удавалось достать: от кокса и героина до метамfetамина, опиоидов и снотворного. Я был единственным, кто тогда «пускал по вене». А все потому, что избалованная, богатая, бисексуальная блондинка-любительница тройничков по имени Лави, которая водила спорткар «Ниссан 280Z», научила меня, как правильно орудовать иглой.

На наши еженочные вечеринки заглядывали участники уцелевших панк-групп, таких как 45 Grave и Circle Jerks, а чуваки из недавних метал-групп, типа Ratt и W.A.S.P., тусовались во дворе и на улице. Девчонки к нам приходили по расписанию. Одна вылезала в окно, пока другая входила в дверь. У нас с Томми было свое собственное окно, а у Никки — свое. Требовалось лишь сказать: «Ой, кто-то пришел. Тебе лучше уйти». И они уходили — хотя порой не дальше комнаты напротив.

К нам повадилась ходить одна неимоверно тучная рыжуха, которая даже не могла пролезть в окно. Но у нее был «Ягуар XJS» — любимая тачка Томми. Больше всего на свете он хотел водить эту машину. Короче, эта девка пообещала ему дать прокатиться на «Ягуаре», если он ее трахнет. В ту ночь мы с Никки пришли домой и застали Томми на полу: он распластал свои тощие ноги, а сверху, словно огромное желе, колыхались обнаженные тела той рыжухи. Мы хладнокровно перешагнули через него, взяли ром и колу и уселись на разложенный диван, чтобы насладиться зрелищем: она напоминала красный жук «Фольксваген», под которым расплющило автомеханика. Как только Томми закончил, он вскочил на ноги, застегнул штаны и глянул на нас.

— Мне пора идти, чуваки, — он гордо поднял голову. — Я щас прокачусь на ее тачке.

Засим он прошагал к машине через засранную гостиную, через разбитую входную дверь, мимо строительного мусора, ужасно довольный собой. С тех пор мы неоднократно ловили их за этой дьявольской сделкой.

Мы прожили в этом свинарнике столько же, сколько мать вынашивает свое дитя, а потом разбежались, переехав к своим девушкам. Контракт на запись — это все, о чем мы мечтали, пока жили там. Но по итогу мы получили только выпивку, наркотики, девчонок, грязь и судебные предписания. Мик, который жил со своей девушкой на Манхэттен-Бич, постоянно твердил нам, что таким манаром контракта нам не видать как своих ушей. Сдается мне, что он ошибался. Это место породило Mötley Crüe, и, подобно стае бешеных псов, мы бросили свою суку, отправившись дальше с распухшими от тестостерона яйцами, чтобы породить миллион ублюдочных зародышей метал-групп.

Глава 2

Мик

Взгляд на жилище Mötley со стороны и теория о возможной взаимосвязи между Бульвинклем и внеземными формами жизни.

Я говорил им: «Знаете, в чем ваша проблема? Вы постоянно влипаете в неприятности, а надо делать вот так». Потом я брал рюмку и швырял ее через всю комнату, и никто не понимал, что происходит. Я всегда умел действовать без палева. Меня можно было назвать аутсайдером.

Я жил в местечке на Манхэттен-Бич вместе со своей девушкой. Мне никогда не нравилось зависать в том доме. Я всякого там насмотрелся, так что нет, увольте. Мне уже давно перевалило за двадцать один, а им все еще было восемнадцать. Однажды я приехал туда на Рождество, и они откуда-то сперли маленькую елку и украсили ее банками из-под пива, трусиками, соплями, шприцами и прочим дерьмом. Перед тем как отправиться на концерт в «Country Club», они вытащили елку во двор, облили бензином и подожгли. Им эта выходка казалась очень забавной, а на мой взгляд это было тупо, и глаза слезились от вони. Весь этот пиздец мне быстро надоел. Как же грязно там было. Достаточно провести пальцем по любой поверхности, и он становился черным. Уж лучше я останусь у себя дома, буду бухать и тренькать на гитаре.

Никки встречался с какой-то ведьмой, с которой занимался сексом в сортире или в гробу у нее дома. Томми встречался с... я не помню ее имени, но мы называли ее Бульвинкль. А лось — не самое красивое животное. Она была ебнутой, срывала огнетушители со стен и громила окна, чтобы попасть в дом. Тупая молодая собственница с мозгами набекрень, если уж спросите мое мнение. Разбить окно, рискуя пораниться, — на такую

дикость я бы точно не решился. Что творится в голове у таких людей, это выше моего понимания. Много кто верит в существование инопланетян, но я думаю, что мы и есть инопланетяне. Мы — потомки дебоширов с других планет. Земля что-то типа Австралии, куда в свое время Англия ссылала всех своих преступников. Нас кинули здесь. Мы — просто в край охреневшие люди с других планет, кучка отбросов.

Что-то у меня спина побаливает.

Часть вторая

**Приговоренные
к свободе**

Глава 1

Никки

В которой пойдет речь о злочлечениях юного Никки: наш герой жестоко избит за то, что чистил зубы в неправильном направлении, изучает тонкости забоя кроликов, использует коробку для ланча в целях самообороны, ходит за ручку с милой Сарой Хоппер и торгует наркотой.

Мне было четырнадцать, когда я попытался посадить свою мать за решетку.

Она из-за чего-то взъелась на меня, уже и не помню, в чем там дело было: может, я засиживался допоздна, забил на домашнее задание, врубал музыку слишком громко, одевался как бомж. Не суть — главное, что я больше не мог этого терпеть. Я разбил свой бас об стену, швырнул стереосистему через всю комнату, сорвал со стены плакаты MC5 и Blue Cheer и проделал ногой дыру в черно-белом телевизоре, а потом выбежал на улицу, хлопнув дверь. Снаружи я методично обстрелял камнями каждое окно нашего дома.

Но это только начало. Я уже некоторое время планировал, что делать потом. Я побежал в соседний дом, где обитали какие-то дегенераты, с которыми я любил обкуриваться, и попросил нож. Кто-то подкинул мне стилет. Я достал лезвие, вытянул левую руку с браслетом и погрузил нож прямо выше локтя, а затем продвинул его вниз примерно на десять сантиметров: достаточно глубоко, чтобы в некоторых местах показалась кость. Я ничегошеньки не почувствовал. Если честно, я подумал, что это выглядит довольно круто.

Затем я позвонил в полицию и сказал, что на меня напала мать.

Я хотел, чтобы ее упрятали за решетку, и тогда я бы мог спокойно жить один. Но мой план провалился: в полиции сказали,

что я несовершеннолетний, и если я выдвину обвинения против опекуна, то меня отправят в детдом до восемнадцати лет. В таком случае я останусь без гитары на четыре года. Не будет гитары — и мне никогда не стать звездой. А я твердо намеревался стать звездой. Уж в этом я точно не сомневался.

Поэтому я заключил с матерью сделку. Я пообещал ей, что откажусь от обвинений, если она оставит меня в покое и позволит мне быть самим собой. «Ты меня никогда не поддерживала, — сказал я ей, — так что просто отстань от меня». И она отстала.

Я больше никогда не возвращался. Я поставил запоздалую точку в наболевшем вопросе моего побега. Все началось, как в классической панк-песне «Blank Generation», когда Ричард Хелл пел: «Я просил: “Выпустите меня отсюда” еще до того, как появился на свет».

Я родился 11 декабря 1958 года в 7:11 утра в Сан-Хосе. Я пришел в этот мир ни заря и, видать, даже тогда мучился от похмелья после вчерашней ночи. Матери везло с фамилиями примерно так же, как и с мужчинами. Урожденная Диана Хейт с фермы в Айдахо, девушка с искрящимися глазами, остроумная, волевая, целеустремленная и чертовски красивая, как кинозвезда пятидесятих годов, с элегантной короткой стрижкой, ангельским лицом и фигурой, которая заставляла мужчин поворачивать головы ей вслед. Но в семье она была белой вороной, полной противоположностью своей идеальной, изнеженной сестрицы Шэрон. У мамы был дикий неукротимый характер: бесшабашная любительница приключений, для которой «стабильность» — это пустой звук. Не приходилось сомневаться, что именно она была моей матерью.

Она хотела назвать меня то ли Майклом, то ли Расселом, но медсестра сначала спросила моего отца, Фрэнка Карлтона Феранну, который бросит нас через пару лет. Он и глазом не моргнув подложил маме свинью и назвал меня Фрэнком Феранной в честь себя любимого. Так и записали в свидетельстве о рождении. С первого же дня моя жизнь пошла наперекосяк. Наверное, в ту же секунду мне нужно было вползти обратно в утробу и умолять создателя: «Давай начнем все сначала?»

Перед тем как бесповоротно свалить от нас, папаша успел «настругать» сестру, о которой, как и о самом отце, у меня не осталось никаких воспоминаний. Мама всегда говорила мне, что в детстве сестра была вынуждена уехать, и мне не разре-